

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия

Е.Д. Сургутский¹✉, Г.А. Вартанян¹, А.В. Ханько²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

² Психиатрическая больница № 1 им. П.П. Кащенко, Санкт-Петербург, Российская Федерация

✉ evgeniipsy@gmail.com

Резюме

Контекст и актуальность. Оценка общественной опасности невменяемых лиц в РФ опирается главным образом на клинико-психопатологические показатели; психологические факторы изучены слабо, что снижает обоснованность решений об изменении и отмене принудительного лечения; сравнительные исследования мужчин и женщин в данной области единичны, требуется накопление эмпирического материала. **Цель.** Выявить гендерные особенности выраженности ранних дезадаптивных схем (РДС) и частоты активации режимов функционирования схем (РФС) и оценить их взаимосвязь со степенью общественной опасности. **Гипотезы.** 1) Мужчины и женщины, признанные невменяемыми, различаются по уровню выраженности ранних дезадаптивных схем и частоте активации режимов функционирования схем; 2) характер взаимосвязей между ранними дезадаптивными схемами и режимами функционирования схем со степенью общественной опасности различается у мужчин и женщин. **Методы и материалы.** Кросс-секционное исследование 211 пациентов, получающих принудительное лечение в трех психиатрических стационарах Санкт-Петербурга (171 мужчина, 40 женщин). Применились опросник схем Янга (YSQ-S3R), опросник режимов Янга (SMI), руководство по оценке риска насилия второй версии (HCR-20.V2). **Результаты.** Общественная опасность мужчин определяется анамнестическими данными (анамnestическая шкала HCR-20), женщин — симптоматикой и управлением риском (клиническая шкала и шкала управления риском HCR-20). У женщин выше выраженность по 9 РДС и общему уровню их выраженности (наибольшая разница по РДС «Самопожертвование»). У мужчин общественная опасность положительно связана с 11 РДС и РФС «Карающий критик» и отрицательно — с функциональным РФС «Счастливый ребенок». У женщин значимых корреляций

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

РДС и РФС со степенью общественной опасности не выявлено. **Выводы.** Психологические драйверы общественной опасности у мужчин и женщин, признанных невменяемыми, различаются: для мужчин релевантны РДС и РФС, для женщин больший вклад вносят клинические и ситуационные факторы. Необходима гендерно-дифференцированная оценка риска насилия в мужской и женской популяциях.

Ключевые слова: ранние дезадаптивные схемы, режимы функционирования схем, степень общественной опасности, невменяемость, судебная психиатрия, риск насилия, гендерные различия, принудительное психиатрическое лечение

Финансирование. Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 23-78-01263, <https://rscf.ru/project/23-78-01263/>

Дополнительные данные. Наборы данных можно запросить у автора (Е.Д. Сургутский).

Для цитирования: Сургутский, Е.Д., Вартанян, Г.А., Ханько, А.В. (2025). Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия. *Психология и право*, 15(4), 81—103. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150405>

Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences

E.D. Surgutskii¹✉, G.A. Vartanyan¹, A.V. Khanko²

¹ Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

² Psychiatric Hospital No 1 named after P.P. Kaschenko, Saint Petersburg, Russian Federation

✉ evgeniipsy@gmail.com

Abstract

Context and relevance. In Russia, violence-risk assessments for individuals found not guilty by reason of insanity (NGRI) rely predominantly on psychopathological indicators. Psychological factors remain insufficiently explored, which undermines the validity of decisions on compulsory treatment. Comparative studies of men and women in this context are scarce, highlighting the need for empirical data. **Objective.** To identify gender differences in the severity of early maladaptive schemas (EMS) and the activation frequency of schema modes (SM), and to examine their associations with violence risk. **Hypotheses.** 1) NGRI men and women differ in EMS severity and SM activation frequency; 2) the pattern of associations between EMS, SM, and violence risk differs by gender. **Methods.** Cross-sectional study involving 211 forensic psychiatric in-patients receiving compulsory treatment at three hospitals in Saint Petersburg (171 men, 40 women). Instruments included the Young Schema Questionnaire (YSQ-S3R), the Schema Mode Inventory (SMI), and the Historical Clinical Risk Management Scales-20, Version 2 (HCR-20.V2). **Results.** In men, violence risk was mainly associated with historical factors; in women, it was linked to clinical symptoms and risk management (based on HCR-20 scale scores). Women

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

exhibited greater severity in 9 EMS and higher overall EMS scores, with the largest difference found in the Self-Sacrifice schema. Among men, violence risk showed positive correlations with 11 EMS and the Punitive Critic mode, and a negative correlation with the functional Happy Child mode. No significant EMS or SM correlations with violence risk were found in women. **Conclusions.** Psychological drivers of violence risk in NGRI men and women differ: EMS and SM are relevant in men, while clinical and situational factors appear more significant in women. Gender-specific approaches to violence risk assessment are recommended.

Keywords: early maladaptive schemas, schema modes, insanity defence, forensic psychiatry, risk of violence, gender differences, compulsory psychiatric treatment

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number 23-78-01263, <https://rscf.ru/project/23-78-01263/>

Supplemental data. Datasets can be requested from the author (E.D. Surgutskii).

For citation: Surgutskii, E.D., Vartanyan, G.A., Khanko, A.V. (2025). Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences. *Psychology and Law*, 15(4), 81—103. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2025150405>

Введение

Изучение детерминант вероятности совершения общественно опасного деяния (ООД) у лиц с психическими расстройствами, признанных судом невменяемыми на момент совершения ООД (далее — лица, признанные невменяемыми), традиционно фокусировалось преимущественно на исследовании клинических драйверов (Мальцева, Котов, 1995). Несмотря на то, что в генезе общественно опасного поведения ведущая роль отводится клинико-психопатологическим факторам, исследователями и практиками также учитываются индивидуально-психологические и социальные характеристики, что соответствует логике биопсихосоциальной модели. В настоящей статье оценка психологических драйверов рассматривается нами как дополняющая клиническое обследование процедура, а не заменяющая ее. При этом важно отметить, что по данным зарубежных исследований лишь около 10% актов насилия, совершаемых людьми с психическими расстройствами, непосредственно связаны с симптоматикой и динамикой заболевания, что показывает значимость комплексной оценки (Skeem, Manchak, Peterson, 2011). Также практический смысл комплексной оценки в условиях принудительных мер медицинского характера (ПММХ) состоит, в частности, в обосновании изменения вида принудительного лечения при снижении степени общественной опасности, уточнении мер управления риском, планировании реабилитационных мероприятий и подготовке к отмене ПММХ при достижении устойчивой ремиссии психического расстройства и редукции риска совершения повторных ООД.

Результаты проведенного нами теоретического анализа свидетельствуют о тенденции увеличения в последние годы исследований психологических аспектов указанного феномена (Коноплева и др., 2022; Макушкина, Леурда, 2023; Сургутский, Вартанян, 2024), к таким исследованиям относится и настоящая работа. С нашей точки зрения, рост числа психологических исследований соотносится с переходом от рассмотрения общественно опасного поведения людей с психическим расстройством через его призму к принципу

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

биопсихосоциальной целостности человеческих проявлений. Накопление эмпирических материалов психологических исследований представляется важной задачей для отечественной науки с целью уменьшения разрыва с достижениями зарубежной научной отрасли, в которой психологические особенности дисрегуляции поведения являются более изученными (Chakhssi, Bernstein, De Ruiter, 2014; Dunne et al., 2018; Skeem, Manchak, Peterson, 2010).

Отметим, что в отечественной научной и экспертной практике используется несколько близких по содержанию понятий: «степень общественной опасности», «потенциальная общественная опасность», «риск совершения ООД». В зарубежной литературе используется термин «риск насилия» (risk of violence), концептуально сопоставимый с указанными выше категориями (Булыгина, 2011). В настоящей статье эти обозначения рассматриваются как функционально эквивалентные в рамках задачи количественной оценки вероятности повторного общественно опасного поведения. Под общественной опасностью мы понимаем такое состояние, при котором психопатологические проявления и связанные с ними факторы повышают вероятность поведения, способного причинить вред окружающим или самому пациенту, и которое выражается в нарушении правовых и социальных норм. Такое понимание согласуется с отечественными методическими подходами к оценке общественной опасности, а также к выбору вида и отмены ПММХ (Макушкина, Дмитриев, Винникова, 2019).

Как мы уже отмечали в ранее опубликованной работе (Сургутский, Вартанян, 2024), возникает вопрос о предмете исследований и валидном психологическом инструментарии. Известно, что методики, использующиеся в процессе стандартного патопсихологического обследования, например MMPI, не являются информативными в рамках оценки риска насилия (De Apodaca, Blake, Stevens, 2015). Альтернативным дополнением могут стать методы психологической диагностики из доказательных психотерапевтических подходов. Одним из таких может быть схема-терапия (СТ), согласно которой в структуре личности имеются ранние дезадаптивные схемы (РДС), формирующиеся, как правило, в детстве и включающие в себя воспоминания, когниции, эмоции и телесные переживания. При чрезмерной их выраженности они приводят к снижающим адаптацию реактивным эмоциональным, поведенческим и когнитивным реакциям — дисфункциональным режимам функционирования схем (РФС). Эмпирические исследования на выборке осужденных без психических расстройств (Dunne et al., 2018; Ohlsson, Ireland, 2020) и выборке невменяемых лиц (Chakhssi, Bernstein, De Ruiter, 2014; Lewis et al., 2021) подтверждают наличие взаимосвязей определенных РДС и РФС с различными формами агрессии и риском насилия. Также подтверждена эффективность судебной адаптации СТ в условиях принудительного психиатрического лечения (Bernstein et al., 2023).

Важным аспектом является то, что выборка женщин, признанных невменяемыми, является малочисленной и труднодоступной относительно выборки мужчин, что, безусловно, осложняет проведение эмпирических исследований. Как в отечественной, так и в зарубежной науке большее количество выводов относительно механизмов риска насилия сформулировано по результатам изучения мужчин. При этом профиль общественной опасности и его механизмы характеризуются гендерными различиями, что осложняет перенос результатов, полученных на мужских выборках, на женскую популяцию (Лысенко, Белякова, 2022; Shorey, Anderson, Stuart, 2012). Исследование выраженности РДС и частоты активации РФС и их взаимосвязи со степенью общественной опасности остаются единичными, а настоящая работа,

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

судя по результатам теоретического анализа, является первым сравнительным исследованием гендерных различий указанных феноменов на русскоязычной выборке.

Цель исследования: выявить гендерные особенности выраженности ранних дезадаптивных схем и частоты активации режимов функционирования схем, а также проанализировать их взаимосвязь со степенью общественной опасности в выборке лиц, признанных невменяемыми.

Гипотезы исследования. 1. Мужчины и женщины, признанные невменяемыми, различаются по уровню выраженности ранних дезадаптивных схем и частоте активации режимов функционирования схем. 2. Характер взаимосвязей между ранними дезадаптивными схемами и режимами функционирования схем со степенью общественной опасности обладает гендерной спецификой.

Материалы и методы

Выборка и база исследования

Включение респондентов в выборку осуществлялось по следующим критериям: а) подписание пациентом добровольного информированного согласия; б) наличие у пациента диагностированного хронического психического расстройства, временного психического расстройства, умственной отсталости легкой степени, либо иного болезненного состояния психики; в) постановление суда о признании пациента невменяемым в момент совершения им ООД вследствие диагностированного расстройства; г) постановление суда о назначении пациенту принудительного лечения в медицинской организации, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях специализированного типа или специализированного типа с интенсивным наблюдением; д) отсутствие продуктивной симптоматики, признаков деменции и умственной отсталости умеренной, тяжелой и глубокой степеней выраженности; е) наличие способности верно ориентироваться в пространстве, времени, собственной личности; ж) наличие способности понимать устные и письменные инструкции.

Пациенты не включались в выборку при несоответствии одному из критериев включения.

Критериями исключения являлись: а) отказ пациента участвовать в исследовании до, во время или после прохождения исследования; б) актуализация продуктивной симптоматики во время прохождения исследования; в) обнаружение исследователями во время обследования неспособности респондента верно ориентироваться в пространстве, времени, собственной личности; г) обнаружение исследователями во время обследования неспособности понимать устные и письменные инструкции, а также неспособности читать или заполнять методики по иным причинам.

В исследовании приняли участие 211 пациентов трех медицинских организаций Санкт-Петербурга, оказывающих принудительную психиатрическую помощь в стационарных условиях, в возрасте от 18 до 69 лет; из них: 171 — мужчины в возрасте от 18 до 62 лет ($M = 37,2$; $SD = 9,6$); 40 — женщины в возрасте от 20 до 69 лет ($M = 38,9$; $SD = 12,8$).

58 пациентов-мужчин (27% общей выборки; 34% мужской выборки) получали принудительное лечение в медицинской организации специализированного типа с интенсивным наблюдением, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (Санкт-Петербургская психиатрическая больница специализированного типа с

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

интенсивным наблюдением). 113 пациентов-мужчин (53% общей выборки; 66% мужской выборки) и 40 пациентов-женщин (19% общей выборки) получали принудительное лечение в медицинской организации специализированного типа, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях (психиатрическая больница Святого Николая Чудотворца г. Санкт-Петербурга; Санкт-Петербургская городская психиатрическая больница № 1 имени П.П. Кащенко). В выборке отсутствуют как пациенты-мужчины, так и пациенты-женщины, получающие принудительное лечение в медицинской организации общего типа, оказывающей психиатрическую помощь в стационарных условиях.

Сравнение групп по признаку типа стационарных условий не входило в задачи настоящего лечения. По этой причине пациенты-мужчины, получавшие психиатрическую помощь в стационарных условиях, специализированного типа с интенсивным наблюдением, и стационарных условиях, специализированного типа, были объединены в группу, которая сравнивалась с пациентами-женщинами.

Социально-демографические, юридические и клинические характеристики респондентов, включенных в выборку исследования, представлены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1
Социально-демографические, юридические и клинические характеристики респондентов
Socio-demographic, legal, and clinical characteristics of the respondents

Критерий / Criterion	Описание критерия / Description of the criterion	Общая выборка, % (N) / General sample % (N)	Выборка мужчин, % (N) / Sample of men, % (N)	Выборка женщин, % (N) / Sample of women, % (N)
Уровень образования / Education level	Без образования / Without education	2% (5)	2% (5)	0% (0)
	Начальное образование / Primary education	6% (13)	7% (12)	3% (1)
	Общее образование / General education	45% (94)	46% (78)	40% (16)
	Среднее профессиональное образование / Secondary vocational education	29% (62)	29% (49)	33% (13)
	Неоконченное высшее образование / Incomplete higher education	7% (15)	6% (11)	10% (4)
	Высшее образование / Higher education	10% (22)	9% (16)	15% (6)
Трудоустройство / Employment status	Были трудоустроены до госпитализации / Were employed before hospitalization	37% (78)	32% (54)	60% (24)

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025)
 Ранние дезадаптивные схемы, режимы их
 функционирования и общественная опасность лиц,
 признанных невменяемыми: гендерные различия
Психология и право, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025)
 Early maladaptive schemas, schema modes
 and violence risk in persons found not guilty
 by reason of insanity: gender differences
Psychology and Law, 15(4), 81—103.

	Не были трудоустроены до госпитализации / Were not employed before hospitalization	63% (133)	68% (117)	40% (16)
Семейное положение / Marital status	Никогда не состояли в браке / They were never married	60% (126)	63% (107)	48% (19)
	Разведены, не состоят в повторном браке / Divorced, not remarried	24% (51)	25% (42)	23% (9)
	Вдовец/вдова / Widower/widow	1% (2)	0% (0)	5% (2)
	Состоят в гражданском браке / They are in a civil marriage	5% (11)	6% (11)	0% (0)
	Состоят в первом браке / They are married for the first time	8% (16)	4% (7)	23% (9)
	Состоят в повторном браке / They are remarried	2% (4)	2% (3)	3% (1)
Дети / Children	Есть / Have children	29% (61)	21% (36)	63% (25)
	Бездетны / Have no children	71% (150)	79% (135)	38% (15)
Основной диагноз / The main diagnosis	Расстройство шизофренического спектра / Schizophrenic spectrum disorder	82% (174)	84% (144)	75% (30)
	Органическое психическое расстройство / Organic mental disorder	9% (19)	8% (13)	15% (6)
	Умственная отсталость / Mental retardation	8% (17)	8% (13)	10% (4)
	Аффективное расстройство / Affective disorder	0% (1)	1% (1)	0% (0)
Критичность к состоянию здоровья на момент обследования / Criticality to the state of health at the time of examination	Есть / There is a criticality	6% (13)	4% (7)	15% (6)
	Формальная / Formal criticality	59% (124)	60% (102)	55% (22)
	Отсутствует / Criticality is missing	35% (74)	36% (62)	30% (12)
Вид совершенного ОД / The type of	Против личности / Against the personality	48% (102)	50% (85)	43% (17)
	В сфере экономики / In the field of economics	33% (70)	32% (55)	38% (15)

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

dangerous act committed	Против общественной безопасности / Against public safety	13% (28)	13% (23)	13% (5)
	Против государственной власти / Against State power	4% (9)	4% (6)	8% (3)
	Против военной службы / Against military service	1% (2)	1% (2)	0% (0)
	Против мира / Against the world	0% (0)	0% (0)	0% (0)
Привлекались ранее к уголовной ответственности / Has the respondent been criminally responsible before	Привлекались / They were brought to criminal responsibility	33% (70)	37% (64)	15% (6)
	Не привлекались / They have not been prosecuted	67% (141)	63% (107)	85% (34)

Большинство респондентов в обеих группах получили общее образование (45%; N = 94), никогда не состояли в браке (60%; N = 126), совершили ООД против личности (48%; N = 102), ранее не привлекались к уголовной ответственности (67%; N = 141). Также у большинства респондентов обеих групп диагностированы расстройства шизофренического спектра (82%; N = 174). При этом в выборке женщин преобладают респондентки с детьми (63% (N = 25) против 38% (N = 15) бездетных) и те, кто был трудоустроен до госпитализации (60% (N = 24) против 40% (N = 16) нетрудоустроенных), тогда как в выборке мужчин относительно большая часть респондентов бездетны (79% (N = 135) против 21% (N = 36) с детьми) и не были трудоустроены до госпитализации (68% (N = 117) против 32% трудоустроенных (N = 54)). Отметим, что проверка значимости приведенных различий не входила в задачи текущего исследования и включена для полноты описания выборки и побуждения интереса к дальнейшим исследованиям.

Эмпирические методы

1. Авторская карта обследуемого: сбор социально-демографических, клинических и юридические показателей.

2. Краткая третья версия «Опросника схем Янга»: Young Schema Questionnaire — Short Form Revised (YSQ-S3R); J. Young (2005), в пер. П.М. Касьянина, Е.В. Романовой (2016); находится в свободном доступе в Интернете. Опросник обладает высокой внутренней согласованностью и устойчивой факторной структурой, подходит как для неклинических, так и клинических выборок (Галимзянова, Касьяник, Романова, 2016; Phillips et al., 2017).

3. «Опросник режимов Янга»: Schema Mode Inventory (SMI); J. Young (2007), в пер. П.М. Касьянина, Е.В. Романовой (2013); находится в свободном доступе в Интернете. Шкалы демонстрируют надежную внутреннюю согласованность, психометрические свойства подтверждены на выборках психиатрических пациентов и подтверждаются на русскоязычной неклинической выборке (Галимзянова, Касьяник, Романова, 2016; Lobbestael et al., 2010).

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

4. Вторая версия руководства по оценке риска насилия HCR-20: Historical Clinical Risk Management Scales-20; К. Вебстер и другие (1997), в адаптации В.В. Ручкина и М.В. Леонтьевой (2008). HCR-20 — актуарный метод, обладающий высокой прогностической валидностью, эффективность которого подтверждена рядом исследований, включая метаанализы (Булыгина и др., 2016). Методика не размещена в свободном доступе.

Процедура исследования

Каждому участнику исследования присваивался уникальный идентификационный код, а по итогам работы они могли получить обратную связь. Опросники «YSQ-S3R» и «SMI» участники заполняли самостоятельно: либо индивидуально, либо в мини-группах (до пяти человек). Актуарный метод «HCR-20 V2» заполняла полипрофессиональная команда, а сведения для авторской карты обследования извлекались из медицинской документации. Специалисты учреждений высоко оценили прикладную ценность опросников, позволяющих дополнить выводы классических патопсихологических проб новой информацией, а также актуарного метода, позволяющего занять метапозицию при оценке общественной опасности.

Математико-статистические методы

1. Первичные описательные статистики (среднее значение, стандартное отклонение, разница средних значений).
2. Методы статистической обработки данных (критерий Шапиро—Уилка, ранговый коэффициент корреляции Спирмена, t-критерий Стьюдента, U-критерий Манна—Уитни, коэффициент корреляции Пирсона (размер эффекта), z-преобразование Фишера).
3. Вычисление 95% доверительных интервалов (бутстрэп с возвращением и с использованием метода перцентилей с 10.000 повторениями при сравнении средних и 1000 повторениями при сравнении корреляций).
4. Контроль ошибок первого рода (поправка Бенджамина—Хохберга с уровнем контроля FDR = 0,05 (р-корр.)).

Анализ данных проводился с использованием языка программирования Python (версия 3.10) в среде Jupyter Notebook.

Результаты и их обсуждение

Изучение общественной опасности

Результаты сравнительного анализа средних значений степени общественной опасности между мужчинами и женщинами представлены в табл. 2.

Мужчины достоверно чаще получали более высокие баллы по «Анамнестической» шкале руководства HCR-20 ($M = 11,6$; $MD = 2,1$; $Max = 20$). Несмотря на малый размер эффекта ($r = 0,138$), результаты являются устойчивыми (95% ДИ [0,64; 3,7]).

Женщины достоверно чаще получали более высокие баллы по «Клинической» шкале ($M = 5,1$; $MD = 1,1$; $Max = 10$) и шкале «Управление риском» ($M = 6,7$; $MD = 0,9$; $Max = 10$). Устойчивость результатов подтверждается для клинической шкалы (95% ДИ [-2,04; -0,2]), для которой также характерен наибольший относительно прочих шкал размер эффекта ($r = 0,201$). Устойчивость результатов для шкалы управления риском же не подтверждается (95% ДИ [-1,78; 0,07]).

Не обнаружены достоверные различия по общему баллу руководства, отражающему совокупность значений всех его шкал. Доверительный интервал включает широкий диапазон

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

средних значений (95% ДИ [-2,89; 2,97]), что указывает на схожесть общего уровня риска у мужчин и женщин, несмотря на наличие различий его профиля.

Таблица 2 / Table 2

**Сравнительный анализ средних значений степени общественной опасности в выборке
Comparative analysis of mean violence risk scores in the sample**

Шкалы HCR-20 / HCR-20 scales	$M \pm SD$ (Мужчины) / $M \pm SD$ (men)	$M \pm SD$ (Женщины) / $M \pm SD$ (women)	MD	95% ДИ / 95% CI		Размер эффекта / Effect size
				Нижняя граница / The lower limit	Верхняя граница / The upper limit	
Общий балл / Total score	$21,4 \pm 7,4$	$21,2 \pm 8,6$	0,1	-2,89	2,97	0,006
Анамнестические факторы / Historical scale	$11,6 \pm 3,7$	$9,4 \pm 4,6$	2,2*	0,64	3,70	0,138
Клинические факторы / Clinical scale	$3,9 \pm 2,6$	$5,1 \pm 2,8$	1,1*	-2,04	-0,20	0,201
Факторы управления риском / Risk management scale	$5,8 \pm 2,5$	$6,7 \pm 2,7$	0,9*	-1,78	0,07	0,154

Примечание: «*» — различия достоверны на уровне р-корр. < 0,05.

Note: «*» — indicates statistically significant differences at the level of p-corr. < 0,05.

Однако представляется важным проанализировать полученные различия по шкалам в профилях мужчин и женщин. Мы предполагаем, что в сравнении с женщинами в профиль общественной опасности мужчин с учетом факторов психопатологии в большей степени вносит вклад отягощенное прошлое (нарушения надзора, злоупотребление психоактивными веществами, трудности с трудоустройством, проблемы адаптации в раннем возрасте и т. д.). Профиль женской степени общественной опасности в большей степени обусловлен актуальной симптоматикой психического расстройства (недостаточно критичное отношение к себе, негативные установки, импульсивность и т. д.) и контекстуальными факторами, с которыми пациентки могут столкнуться после выписки (недостаток личной поддержки, несоблюдение врачебных рекомендаций, недостаточная осуществимость планов и т. д.).

Наш вывод согласуется с данными литературы о том, что в рамках методики HCR-20 клиническая шкала демонстрирует наибольшую прогностическую ценность (Gunenc, Fitton, Beazley, 2024). При этом мы подчеркиваем, что речь идет о сравнении трех шкал внутри самой методики, а не о сопоставлении HCR-20 с другими инструментами оценки риска насилия. В

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

цитируемой работе рассматривались исследования, проведенные преимущественно с использованием третьей версии руководства (HCR-20 (V3)), однако мы опирались на эти данные как на релевантное подтверждение закономерности, сохраняющейся при использовании второй версии методики.

Также известно, что в выборке мужчин, которым назначено принудительное психиатрическое лечение вследствие совершенного домашнего насилия, более распространено криминальное прошлое, злоупотребление ПАВ и наличие друзей, совершающих преступления, в то время как в женской популяции более распространены факторы риска, связанные с условиями жизни (Bijlsma et al., 2022). С нашей точки зрения, руководство HCR-20 в его текущем виде может в недостаточной степени учитывать специфические факторы риска, характерные для женщин. Это указывает на необходимость адаптации инструмента с опорой на эмпирические данные, однако сбор таких данных затруднен в связи с малочисленностью и труднодоступностью данной выборки.

Изучение выраженности РДС

Результаты сравнительного анализа средних значений выраженности РДС между мужчинами и женщинами представлены в табл. 3.

Таблица 3 / Table 3

Сравнительный анализ средних значений выраженности ранних дезадаптивных схем в выборке

Comparative analysis of mean severity scores of early maladaptive schemas in the sample

Ранняя дезадаптивная схема / Early maladaptive schema	$M \pm SD$ (Мужчины) / $M \pm SD$ (men)	$M \pm SD$ (Женщины) / $M \pm SD$ (women)	MD	95% ДИ / 95% CI		Размер эффекта / Effect size
				Нижняя граница / The lower limit	Верхняя граница / The upper limit	
Эмоциональная депривация / Emotional Deprivation	$11,5 \pm 5,4$	$14,3 \pm 6,4$	2,8*	-4,83	-0,72	0,171
Покинутость / Нестабильность / Abandonment / Instability	$14,9 \pm 5,7$	$17,3 \pm 6$	2,3	-4,49	-0,4	0,138
Недоверие / Ожидание жестокого обращения / Mistrust / Abuse	$12,9 \pm 5,4$	$15,7 \pm 5,6$	2,9*	-4,88	-0,79	0,201

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025)
 Ранние дезадаптивные схемы, режимы их
 функционирования и общественная опасность лиц,
 признанных невменяемыми: гендерные различия
Психология и право, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025)
 Early maladaptive schemas, schema modes
 and violence risk in persons found not guilty
 by reason of insanity: gender differences
Psychology and Law, 15(4), 81—103.

Социальная отчужденность / Social Isolation / Alienation	$12 \pm 5,2$	$14,3 \pm 5,8$	2,3*	-4,23	-0,39	0,154
Дефективность / Стыд / Defectiveness / Shame	$10,4 \pm 4,9$	$11,9 \pm 6,2$	1,5	-3,53	0,46	0,084
Неуспешность / Failure	$12,6 \pm 5,3$	$13,5 \pm 5,5$	0,9	-2,86	0,83	0,048
Зависимость / Беспомощность / Dependence / Incompetence	$9,8 \pm 4,4$	$11,8 \pm 5,3$	2*	-3,66	-0,36	0,154
Уязвимость / Vulnerability to Harm or Illness	$10,6 \pm 5,2$	$11,9 \pm 5,7$	1,3	-3,18	0,6	0,092
Спутанность / Неразвитая идентичность / Enmeshment / Undeveloped Self	$12,1 \pm 5$	$13,1 \pm 5,7$	1	-2,96	0,85	0,06
Покорность / Subjugation	$13,4 \pm 5$	$15,5 \pm 5,2$	2,1*	-3,92	-0,37	0,163
Самопожертвование / Self-Sacrifice	$14,9 \pm 5,4$	$18,5 \pm 4,5$	3,6**	-5,18	-1,97	0,281
Подавление эмоций / Emotional Inhibition	$13 \pm 5,8$	$15,4 \pm 5,5$	2,3*	-4,05	-0,35	0,167
Жесткие стандарты / Придирчивость / Unrelenting Standards / Hypercriticalness	$17,2 \pm 5,4$	$19,1 \pm 5,1$	2	-3,72	-0,33	0,142
Привилегированность / Грандиозность / Entitlement / Grandiosity	$13,2 \pm 5,4$	$15,4 \pm 4,5$	2,2*	-3,85	-0,67	0,184

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025)
 Ранние дезадаптивные схемы, режимы их
 функционирования и общественная опасность лиц,
 признанных невменяемыми: гендерные различия
Психология и право, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025)
 Early maladaptive schemas, schema modes
 and violence risk in persons found not guilty
 by reason of insanity: gender differences
Psychology and Law, 15(4), 81—103.

Недостаточность самоконтроля / Insufficient Self-Control and / or Self-Discipline	$12,3 \pm 5$	$13,8 \pm 4,8$	1,5	-3,1	0,14	0,125
Поиск одобрения / Approval-Seeking / Recognition-Seeking	$16,6 \pm 5,8$	$19,3 \pm 4,9$	2,6*	-4,23	-1	0,18
Негативизм / Пессимизм / Negativity / Pessimism	$14,3 \pm 5,6$	$16,1 \pm 5,8$	1,8	-3,75	0,12	0,11
Пунитивность / Punitiveness	$14,4 \pm 5,2$	$15,8 \pm 4,6$	1,4	-3,12	0,21	0,103
Общий балл опросника схем Янга / The total score of the Young Schema Questionnaire	$236,1 \pm 65,9$	$272,5 \pm 66,9$	36,3*	-60,31	-15,01	0,193

Примечание: «*» — различия достоверны на уровне р-корр. $\leq 0,05$; «**» — различия достоверны на уровне р-корр. $\leq 0,001$.

Note: «*» — indicates statistically significant differences at the level of p-corr. $< 0,05$; «**» — indicates statistically significant differences at the level of p-corr. $< 0,001$.

Установлено, что проверяемые РДС в среднем не обладают повышенной и высокой выраженностью ни в выборке мужчин, ни в выборке женщин (согласно нормативным данным по методике «YSQ-S3R»). Наиболее выражены в обеих группах РДС «Жесткие стандарты», «Поиск одобрения», «Покинутость/Нестабильность», «Самопожертвование», «Пунитивность», «Негативизм», обладающие средней выраженностью. Профиль РДС характеризуется склонностью респондентов к постановке завышенных требований к себе и окружающим, стремлению к получению признания и одобрения, внутреннему ожиданию нестабильности в значимых отношениях, пренебрежению собственными потребностями, а также жесткой внутренней позицией по отношению к ошибкам и восприятием жизни через призму негативных ожиданий.

В женской группе достоверно более выражены 9 из 18 оцениваемых РДС и общий показатель по методике, являющийся суммой баллов по всем ее шкалам, что подтверждается соответствующими доверительными интервалами, не включающими нулевое значение. Наибольшие различия выявлены по РДС «Самопожертвование» ($MD = 3,6$; р-корр. $\leq 0,001$; $r = 0,281$), «Недоверие / Ожидание жестокого обращения» ($MD = 2,9$; р-корр. $\leq 0,05$; $r = 0,201$), «Поиск одобрения» ($MD = 2,6$; р-корр. $\leq 0,05$; $r = 0,18$) и по общему баллу методики ($MD = 36,3$; р-корр. $\leq 0,05$; $r = 0,193$). В совокупности с тем, что перечисленные РДС в среднем

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

являются одними из наиболее выраженными в женской группе, справедлив вывод, что женщины склонны видеть мир опасным и ненадежным, не ощущать право отстаивать свои нужды, стремиться заслужить принятие окружающих и подавлять ради этого собственные желания. Также достоверные различия выявлены по РДС «Поиск одобрения», «Эмоциональная депривация», «Социальная отчужденность», «Зависимость/беспомощность», «Покорность», «Подавление эмоций» и «Привилегированность/грандиозность». Хотя размеры эффектов обнаруженных различий невелики, доверительные интервалы подтверждают их устойчивость. Полученный профиль указывает на то, что респондентки чаще переживают нехватку принятия и поддержки, стремятся компенсировать это одобрением окружающих, ограничивая выражение собственных чувств, а также более склонны считать, что они обладают особыми правами и предъявлять необоснованные требования к окружающим.

Описанные результаты соотносятся с выводами о большей выраженности РДС у женщин в клинических выборках (Shorey, Anderson, Stuart, 2012). Мы связываем их с имеющимися данными о том, что женщины изучаемой популяции чаще мужчин являются объектом всех видов насилия в детском возрасте (Streb et al., 2022), что приводит к большей фрустрации эмоциональных потребностей и формированию более выраженных РДС (Сургутский, Вартанян, 2024). Также результат может быть связан с особенностями социокультурной социализации женщин, предполагающей более высокие требования к эмоциональной чувствительности, конформности и самоотверженности, что способствует большей степени интернализации РДС, т. е. большей степени их осознания как части собственного Я и опознавания их влияния на самочувствие и поведение по сравнению с мужчинами (Delcea, Gyorgy, Pescaru, 2023).

Не выявлены статистически значимые различия по РДС «Покинутость/Нестабильность», «Дефективность», «Неуспешность», «Уязвимость», «Спутанность/Неразвитая идентичность», «Жесткие стандарты/Придирчивость» «Недостаточность самоконтроля», «Негативизм» и «Пунитивность». Однако доверительные интервалы, полученные по РДС «Покинутость/Нестабильность» ($MD = 2,3; r = 0,138$) и «Жесткие стандарты/Придирчивость» ($MD = 2; r = 0,142$) (95% ДИ $[-4,49; -0,4]$ и $[-3,72; -0,33]$ соответственно), не включают нулевое значение, что указывает на устойчивость более высоких значений выраженности по данным РДС в женской выборке и требует дальнейшей проверки.

Изучение частоты активации РФС

Установлено, что проверяемые РФС в среднем не обладают повышенной и высокой частотой активации в обоих группах и находятся в средних диапазонах значений (согласно нормативным данным по методике «SMI»). Наиболее часто активирующими в сравнении со всеми РФС являются функциональные РФС «Здоровый взрослый» (мужчины: $M = 4,5 \pm 0,8$; женщины: $M = 4,4 \pm 0,7$) и «Счастливый ребенок» (м.: $M = 4,1 \pm 0,8$; ж.: $M = 4,2 \pm 0,9$), характеризующие респондентов как способных адаптивно регулировать эмоции и поведение, удовлетворять эмоциональные потребности и обладающие внутренней согласованностью и отсутствием выраженных внутриличностных и межличностных конфликтов, что не согласуется с информацией о пациентах от специалистов. Схожий результат был получен в исследовании взаимосвязи РФС с внутрибольничной агрессией принудительно госпитализированных пациентов психиатрического профиля (Lewis et al., 2021). Мы связываем данное расхождение с социальной желательностью у респондентов, поскольку демонстрация своих «хороших сторон» может способствовать более скорой выписке. Данный

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

эффект может сохраняться даже при условии конфиденциального участия пациента в исследовании, отраженного в его информированном согласии, и объясняться привычностью данного поведения.

Привлекает внимание, что дисфункциональный копинговый РФС «Агрессор» (м.: $M = 2,5 \pm 0,8$; ж.: $M = 2,6 \pm 0,8$) и дисфункциональные детские РФС «Сердитый ребенок» (м.: $M = 2,3 \pm 0,8$; ж.: $M = 2,3 \pm 0,8$) и «Разъяренный ребенок» (м.: $M = 1,7 \pm 0,9$; ж.: $M = 1,6 \pm 0,6$), связанные с проявлением различных форм агрессии, являются одними из наименее проявляющихся РФС. Мы связываем описанное противоречие, а также относительно низкую частоту активации агрессивных РФС, связанных с агрессией, с ограничениями исследования, описанными в соответствующем разделе.

Также относительно наибольшей частотой активации в обоих группах обладают:

1. Дисфункциональные детские РФС «Недисциплинированный ребенок» (м.: $M = 2,9 \pm 0,9$; ж.: $M = 3,2 \pm 0,7$) и «Импульсивный ребенок» (м.: $M = 2,4 \pm 0,9$; ж.: $M = 2,6 \pm 0,8$), что характеризует респондентов обоих групп как не в полной мере способных к саморегуляции, что может выражаться в преобладании импульсивных и деструктивных форм поведения, трудностях в соблюдении социальных норм и ограничений, что в большей степени соотносится с информацией о пациентах от специалистов.

2. Дисфункциональные копинговые РФС «Самовозвеличение» (м.: $M = 2,9 \pm 0,9$; ж.: $M = 3,1 \pm 0,8$) и «Отстраненный самоуспокоитель» (м.: $M = 2,9 \pm 1,1$; ж.: $M = 2 \pm 1,1$), что характеризует респондентов как склонных снижать эмоциональное напряжение, связанное с активацией РДС, благодаря демонстративному поведению, обесцениванию значимости других или через отвлекающие, поверхностные занятия.

3. Дисфункциональный критикующий РФС «Требовательный критик» (м.: $M = 3,3 \pm 0,8$; ж.: $M = 3,5 \pm 0,8$), из чего следует, что респонденты могут характеризоваться установкой на чрезмерно высокие стандарты и связанными с ней жесткой самокритикой и постоянным чувством неудовлетворенности собой.

По итогам сравнительного анализа после применения поправки Бенджамина—Хохберга не выявлены достоверные различия в частоте активации всех РФС между группами. При этом до поправки достоверное различие по частоте активации дисфункционального детского РФС «Уязвимый ребенок» ($MD = 0,3$; $r = 0,143$) более часто проявляется у женщин ($M = 2,2 \pm 0,9$), чем у мужчин ($M = 1,9 \pm 0,8$), и является ложноположительным результатом. Однако доверительный интервал по данному РФС не включает нулевое значение (95% ДИ $[-0,59; -0,02]$), что указывает на потенциальную устойчивость наблюдаемого различия и требует дальнейшей проверки. Доверительные интервалы всех остальных РФС включают нулевое значение, а размеры эффекта варьируют в пределах от $-0,02$ до $-0,1$, что указывает на примерно равнозначную частоту активации РФС в обеих группах.

Потенциальная практическая значимость представленных результатов изучения частоты активации РФС заключается в том, что мишени-РФС СТ для представителей изучаемой популяции вне зависимости от гендера могут быть во многом общими.

Изучение взаимосвязей выраженности РДС и частоты активации РФС со степенью общественной опасности

В группе мужчин обнаружены следующие достоверные положительные взаимосвязи выраженности 11 РДС со степенью общественной опасности (общий балл по HCR-20):

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

«Неуспешность» ($rs = 0,31$; p -корр. $\leq 0,001$), «Дефективность / Стыдливость» ($rs = 0,29$; p -корр. $\leq 0,01$), «Негативизм / Пессимизм» ($rs = 0,28$; p -корр. $\leq 0,01$), «Недостаточность самоконтроля» ($rs = 0,28$; p -корр. $\leq 0,01$), «Социальная отчужденность» ($rs = 0,27$; p -корр. $\leq 0,01$), «Покорность» ($rs = 0,25$; p -корр. $\leq 0,01$), «Недоверие/ожидание жестокого отношения» ($rs = 0,24$; p -корр. $\leq 0,01$), «Эмоциональная депривация» ($rs = 0,23$; p -корр. $\leq 0,01$), «Зависимость/Беспомощность» ($rs = 0,23$; p -корр. $\leq 0,01$), «Уязвимость» ($rs = 0,21$; p -корр. $\leq 0,05$), «Подавление эмоций» ($rs = 0,2$; p -корр. $\leq 0,05$), а также обнаружена надежная положительная взаимосвязь общего балла по методике «YSQ-S3R» со степенью общественной опасности ($rs = 0,29$; p -корр. $\leq 0,01$). Взаимосвязи других РДС не обладали достаточным уровнем значимости или обладали слишком слабой силой для интерпретации.

Также в группе мужчин обнаружены достоверные положительная взаимосвязь дисфункционального РФС «Карающий критик» ($rs = 0,21$; p -корр. $\leq 0,05$) и отрицательная взаимосвязь функционального РФС «Счастливый ребенок» ($rs = -0,2$; p -корр. $\leq 0,05$) со степенью общественной опасности. Взаимосвязи других режимов обладали недостаточным уровнем значимости или слишком слабой силой для интерпретации.

Таким образом, мы предполагаем, что у мужчин указанный перечень РДС и РФС может вносить определенный вклад в увеличение вероятности совершения ООД, что позволяет рассматривать их в качестве потенциальных психологических драйверов общественной опасности, т. е. внутриличностных процессов, приводящих к агрессивным действиям, что подтверждается в ряде исследований на клинической, пенитенциарной и здоровой выборках мужчин (Chakhssi, Bernstein, De Ruiter, 2014; Dunne et al., 2018). Например, при выраженной РДС «Недоверие/Ожидание жестокого обращения» человек может интерпретировать нейтральное поведение другого как угрозу и действовать из РФС «Разъяренный ребенок» для ее устранения, вступая в драку (Shorey et al., 2015).

Протектичная функция «Счастливого ребенка» (переживание радости из-за удовлетворения эмоциональных потребностей, уместная спонтанность) не представляется противоречивой, а его развитие является одной из целей СТ, в том числе ее судебной адаптации, основной акцент в которой поставлен на работе с РФС, а не РДС (Сургутский, Вартанян, 2024; Bernstein et al., 2023; Sousa et al., 2024).

При этом слабые коэффициенты корреляции говорят о низкой прогностической ценности соответствующих шкал методик «YSQ-S3R» и «SMI» в рамках оценки степени общественной опасности на индивидуальном уровне и более высокой — на групповом. На практике это означает допустимость использования шкал при проведении скрининга, позволяющего сузить круг лиц, которым может быть предложен курс прохождения СТ, релевантной снижению степени общественной опасности.

В женской группе после поправки применения Бенджамини—Хохберга не обнаружено достоверных взаимосвязей выраженности всех РДС и общего балла по методике «YSQ-S3R», а также частоты активации всех РФС со степенью общественной опасности. При этом до поправки была выявлена статистически значимая корреляция частоты активации РФС «Требовательный критик» со степенью общественной опасности ($rs = 0,35$; $p \leq 0,05$; p -корр. $> 0,05$), являющаяся ложноположительным результатом, и близкая к статистической значимости корреляция РДС «Привилегированность/Грандиозность» ($rs = 0,3$; $p = 0,054$; p -корр. = 0,4).

На данный момент у нас нет оснований полагать, что приемлемые для мужчин выводы применимы к женщинам, по крайней мере вошедшим в выборку исследования. С нашей точки

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

зрения, допустим предварительный вывод о том, что степень общественной опасности женщин, признанных невменяемыми, преимущественно обусловлена третьими переменными, нежели выраженностью РДС и частотой активации РФС. В качестве таких переменных могут рассматриваться, в первую очередь, клинические факторы (тяжесть, характер и динамика психического расстройства, гормональные изменения и т. д.), а также контекстуальные-ситуационные факторы (особенности взаимоотношений с актором агрессии, внешние стрессоры, наличие поддержки и т. д.). Вывод соотносится с результатами сравнительного анализа средних значений степени общественной опасности, описанными выше, и информацией о том, что объективная виктимизация, семейные конфликты, материальные трудности и стресс, связанный с материнством, обладают большим значением при оценке риска насилия в популяции женщин (Salisbury, Boppre, Kelly, 2016). Вероятно, именно эти факторы вносят больший вклад в формирование общественно опасного поведения женщин, а не устойчивые личностные особенности и способы эмоционального и поведенческого реагирования.

Также нельзя исключать, что отсутствие достоверных корреляций обусловлено небольшим размером женской группы, снижающим статистическую мощность и чувствительность анализа и, как следствие, приводящим к скрытию некоторых достоверных взаимосвязей. Например, упомянутые корреляции РДС «Привилегированность/Грандиозность» и РФС «Требовательный критик» потенциально могли бы достичь значимости при большем количестве респонденток. Возможно, что у части женщин степень общественной опасности может повышаться при сочетании симптомов основного психического расстройства с преморбидной убежденностью в праве делать или иметь все что угодно, независимо от реалистичности своих планов и мнения других людей об этом, и ощущении необходимости соответствовать высочайшим стандартам и жестким правилам. Проверка этой гипотезы требует проведения дополнительных исследований.

По итогам сравнительного анализа коэффициентов корреляции с использованием Z-преобразования Фишера не выявлено достоверных различий во взаимосвязях выраженности РДС и частоты активации РФС со степенью общественной опасности между сравниваемыми группами. Отсутствие достоверных различий между группами при наличии выраженных ассоциаций в мужской группе и их отсутствии в женской может быть обусловлено, с одной стороны, ограниченным размером женской выборки, снижающим статистическую мощность тестов и увеличивающим вероятность ошибки второго рода. С другой стороны, близкие по величине, но недостаточно устойчивые коэффициенты корреляции в женской группе могут маскировать реальные различия, особенно в условиях применения строгих поправок на множественные сравнения.

При этом до поправки были выявлены статистически значимые различия по силе взаимосвязи выраженности РДС «Неуспешность» ($p \leq 0,05$; $p\text{-корр.} = 0,3$) и «Дефективность/Стыдливость» ($p \leq 0,05$; $p\text{-корр.} = 0,3$), а также частоты активации функционального РФС «Счастливый ребенок» ($p \leq 0,05$; $p\text{-корр.} = 0,3$) со степенью общественной опасности, оказавшиеся сильнее в мужской группе, являющиеся ложноположительным результатом. Однако доверительные интервалы, рассчитанные для взаимосвязей указанных РДС и РФС со степенью общественной опасности, не включают нулевые значения (95% ДИ [0,01; 0,72], [0,10; 0,74] и [-0,66; -0,05] соответственно), что

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025)
Ранние дезадаптивные схемы, режимы их
функционирования и общественная опасность лиц,
признанных невменяемыми: гендерные различия
Психология и право, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025)
Early maladaptive schemas, schema modes
and violence risk in persons found not guilty
by reason of insanity: gender differences
Psychology and Law, 15(4), 81—103.

указывает на потенциальную устойчивость наблюдаемых различий и требует дальнейшей проверки.

Наш предварительный вывод заключается в том, что внутренняя динамика формирования общественно опасного поведения у мужчин и женщин различается, как по структуре психологических драйверов и барьеров риска, так и по степени их выраженности, при этом под барьерами понимаются внутриличностные механизмы, сдерживающие или препятствующие реализации агрессивных импульсов. Дальнейшие исследования должны быть направлены на проверку устойчивости выявленных эффектов, а также на уточнение роли пола как модератора взаимосвязи выраженности РДС и частоты активации РФС со степенью общественной опасности.

Заключение

Настоящее исследование было направлено на выявление гендерных особенностей выраженности РДС и частоты активации РФС, а также на анализ их взаимосвязи со степенью общественной опасности у лиц, признанных невменяемыми.

Сопоставление полученных результатов с выдвинутыми гипотезами позволило сформулировать следующие выводы: 1) степень общественной опасности обладает гендерной спецификой, что требует учета при прогнозировании риска; 2) женщины демонстрируют более высокую выраженность ряда РДС по сравнению с мужчинами; 3) частота активации РФС не обладает гендерной спецификой; 4) в группе мужчин степень общественной опасности взаимосвязана с индивидуально-психологическими особенностями пациентов, а именно с выраженностью ряда РДС и частотой активации РФС, в группе женщин больший вклад могут вносить третьи переменные.

Результаты подчеркивают важность дифференциированного подхода в оценке риска и необходимость гендерной адаптации профилактических и терапевтических вмешательств, релевантных снижению степени общественной опасности.

Перспективными направлениями исследований представляются: 1) проведение репликационных исследований на более крупных и репрезентативных выборках для проверки устойчивости обнаруженных эффектов; 2) изучение динамики изменений РДС и РФС в процессе схема-терапевтических вмешательств с фокусом на гендерных различиях; 3) разработка прогностических моделей рецидива, основанных на профиле РДС и РФС отдельно для мужчин и женщин; 4) углубленный анализ взаимодействия клинических факторов с РДС и РФС при формировании общественной опасности.

Ограничения

В данном разделе мы перечисляем ограничения исследования и предлагаем стратегии снижения их вклада в результаты будущих исследований.

1. Женская группа в выборке относительно невелика, что снижает статистическую мощность анализа и ограничивает возможности экстраполяции полученных результатов. Кроме того, в рамках настоящего исследования не осуществлялось разделение респондентов по нозологическому признаку, что представляет собой дополнительное ограничение при интерпретации данных. Для получения более валидных и обобщаемых результатов необходимы масштабные многоцентровые исследования с пропорциональным

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

представлением представителей обоих полов, а также учетом клинической структуры выборки. Отдельного внимания заслуживает и возрастной состав выборки. Несмотря на отсутствие возрастных ограничений в применяемых методиках, представляется обоснованным выравнивание групп по возрасту в будущих исследованиях.

2. Оценка выраженности РДС и частоты активации РФС производилась благодаря самоотчетным методикам, не содержащим шкал лжи и искренности. Некоторые утверждения опросника режимов Янга носят провокативный характер, что может усиливать социальную желательность. Кроме того, специфика принудительного лечения, предполагающая запрет на агрессивное поведение и санкции за его проявление, может способствовать снижению откровенности респондентов. Также не исключается влияние психофармакотерапии на когнитивно-эмоциональное состояние пациентов, что, в свою очередь, могло влиять на точность оценки. В будущих исследованиях представляется целесообразным применение дополнительных обсервационных методов сбора данных.

3. Кросс-секционный характер исследования. Корреляции не позволяют установить причинно-следственные связи; РДС и РФС могли как предшествовать общественно опасному поведению, так и подкрепляться им. Для проверки каузальности требуются лонгитюдные исследования.

Список источников / References

1. Булыгина, В.Г. (2011). Измерение рисков насилия в судебной психиатрии. *Психологическая наука и образование psyedu.ru*, 3(1), Статья 6. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2011_n1/39935 (дата обращения: 16.09.2025)
Bulygina, V.G. (2011). Measuring the Risk of Violence in Forensic Psychiatry. *Psychological Science and Education psyedu.ru*, 3(1), Article 6. (In Russ.). URL: https://psyjournals.ru/en/journals/psyedu/archive/2011_n1/39935 (viewed: 16.09.2025).
2. Булыгина, В.Г., Дубинский, А.А., Токарева, Г.М., Лысенко, Н.Е. (2016). Взаимосвязь между факторами риска насилия и защитными факторами у психически больных с криминальным анамнезом. *Психология и право*, 6(1), 105—119. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060109>
Bulygina, V.G., Dubinsky, A.A., Tokareva, G., Lysenko, N.E. (2016). The relationship between violence risk factors and protective factors among mentally ill offenders. *Psychology and Law*, 6(1), 105—119. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2016060109>
3. Галимзянова, М.В., Касьяник, П.М., Романова, Е.В. (2016). Выраженность ранних дезадаптивных схем и режимов функционирования схем у мужчин и женщин в период ранней, средней и поздней взрослости. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*, 3, 109—125. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.310>
Galimzyanova, M.V., Kasyanik, P.M., Romanova, E.V. (2016). Early maladaptive schemas and schema modes of men and women in different stages of adulthood. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Education*, 3, 109—125. (In Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2016.310>
4. Коноплева, И.Н., Князева, С.О., Дебольский, М.Г., Красненкова, С.А. (2022). Особенности саморегуляции у осужденных, совершивших преступления при рецидиве. *Психология и право*, 12(2), 27—41. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

Konopleva, I.N., Knyazeva, S., Debolsky, M.G., Krasnenkova, S. (2022). Self-Regulation of Convicts Who Have Committed Repeated Crimes. *Psychology and Law*, 12(2), 27—41. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2022120203>

5. Лысенко, Н.Е., Белякова, М.Ю. (2022). Особенности дизрегуляции поведения у женщин, совершивших общественно опасные действия. *Сибирский психологический журнал*, 83, 204—222. <https://doi.org/10.17223/17267080/83/11>
Lysenko, N.E., Belyakova, M.Yu. (2022). Features of Behavior Dysregulation in Women Committed Socially Dangerous Acts. *Siberian Journal of Psychology*, 83, 204—222. (In Russ.). <https://doi.org/10.17223/17267080/83/11>
6. Макушкина, О.А., Дмитриев, А.С., Винникова, И.Н. (2019). *Методические основы судебно-психиатрической оценки общественной опасности и выбора вида принудительных мер медицинского характера: Методические рекомендации*. М.: ФГБУ НМИЦ ПН им. В.П. Сербского Минздрава России.
Makushkina, O.A., Dmitriev, A.S., Vinnikova, I.N. (2019). *Methodological foundations of the forensic psychiatric assessment of public danger and the choice of the type of compulsory medical measures: Methodological recommendations*. Moscow: V.P. Serbsky National Research Medical Center of the Ministry of Health of the Russian Federation. (In Russ.).
7. Макушкина, О.А., Леурда Е.В. (2023). Структурированное профессиональное психологическое суждение в системе оценки риска общественной опасности лиц с психическими расстройствами. *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*, 57(4), 66—74. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2023-801>
Makushkina, O.A., Leurda, E.V. (2023). Structured professional psychological judgment for assessing the risk of public danger in persons with mental disorders. *V.M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, 57(4), 66—74. (In Russ.). <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2023-801>
8. Мальцева, М.М., Котов, В.П. (1995). *Опасные действия психически больных*. М.: Медицина. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26451739> (дата обращения: 15.09.2025).
Maltseva, M.M., Kotov, V.P. (1995). *Dangerous actions of the mentally ill*. Moskow: Medicine. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26451739> (viewed: 15.09.2025).
9. Сургутский, Е.Д., Вартанян, Г.А. (2024). Судебная схема-терапия: теоретические основания подхода. *Психология и право*, 14(2), 114—128. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140209>
Surgutskiy, E.D., Vartanyan, G.A. (2024). Forensic Schema Therapy: Theoretical Foundations. *Psychology and Law*, 14(2), 14—128. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2024140209>
10. Bernstein, D.P., Keulen-de Vos, M., Clercx, M., de Vogel, V., Kersten, G.C.M., Lancel, M., Jonkers, P.P., Bogaerts, S., Slaats, M., Broers, N.J., Deenen, T.A.M., Arntz, A. (2023). Schema therapy for violent PD offenders: A randomized clinical trial. *Psychological Medicine*, 53(1), 88—102. <https://doi.org/10.1017/S0033291721001161>
11. Bijlsma, A.M.E., van der Put, C.E., Vial, A., van Horn, J.E., Overbeek, G., Assink, M. (2022). Gender differences between domestic violent men and women: Criminogenic risk factors and their association with treatment dropout. *Journal of Interpersonal Violence*, 37(23—24), NP21875—NP21901. <https://doi.org/10.1177/08862605211063015>

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

12. Chakhssi, F., Bernstein, D., De Ruiter, C. (2014). Early maladaptive schemas in relation to facets of psychopathy and institutional violence in offenders with personality disorders. *Legal and Criminological Psychology*, 19(2), 356—372. <https://doi.org/10.1111/lcrp.12002>
13. De Apodaca, R.F., Blake, B.T., Stevens, L.P. (2015). Risk assessments in violence and sex cases: Current, practical advice for attorneys employing mental health experts. *American International Journal of Social Science*, 4(1), 13—20. URL: <https://aijssnet.com/journal/index/297> (viewed: 28.04.2025).
14. Delcea, C., Gyorgy, M., Pescaru, M. (2023). A psychiatric and psychological forensic approach of maladaptive cognitive schemas in juvenile delinquency. *Archives of Pharmacy Practice*, 14(2), 169—175. <https://doi.org/10.51847/ovkEU7w9Hj>
15. Dunne, A.L., Gilbert, F., Lee, S., Daffern, M. (2018). The role of aggression-related early maladaptive schemas and schema modes in aggression in a prisoner sample. *Aggressive Behavior*, 44(3), 246—256. <https://doi.org/10.1002/ab.21747>
16. Gunenc, C., Fitton, L., Beazley, P. (2024). Use of the HCR-20 Version 3 with women: A narrative synthesis. *Journal of Forensic Psychology Research and Practice*, 25(5), 930—959. <https://doi.org/10.1080/24732850.2024.2386555>
17. Lewis, D., Dunne, A.L., Meyer, D., Daffern, M. (2021). Assessing schema modes using self- and observer-rated instruments: Associations with aggression. *Journal of Interpersonal Violence*, 36(17—18), NP9908—NP9929. <https://doi.org/10.1177/0886260519860088>
18. Lobbestael, J., van Vreeswijk, M., Spinhoven, P., Schouten, E., Arntz, A. (2010). Reliability and validity of the short Schema Mode Inventory (SMI). *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 38(4), 437—458. <https://doi.org/10.1017/S1352465810000226>
19. Ohlsson, I.M., Ireland, J.L. (2020). Aggression motivation in prisoners: Association with cognitive and developmental differences. *Abuse: An International Impact Journal*, 1(1), 1—15. <https://doi.org/10.37576/abuse.2020.001>
20. Phillips, K., Brockman, R., Bailey, P.E., Kneebone, I.I. (2019). Young Schema Questionnaire — Short Form Version 3 (YSQ-S3): Preliminary validation in older adults. *Aging & Mental Health*, 23(1), 140—147. <https://doi.org/10.1080/13607863.2017.1396579>
21. Salisbury, E.J., Bopp, B., Kelly, B. (2016). Gender-responsive risk and need assessment: Implications for the treatment of justice-involved women. In: F.S. Taxman (Ed.), *Handbook on Risk and Need Assessment: Theory and Practice* (pp. 220—243). Routledge.
22. Shorey, R.C., Anderson, S.E., Stuart, G.L. (2012). Gender differences in early maladaptive schemas in a treatment-seeking sample of alcohol-dependent adults. *Substance Use & Misuse*, 47(1), 108—116. <https://doi.org/10.3109/10826084.2011.629706>
23. Shorey, R.C., Elmquist, J., Anderson, S., Stuart, G.L. (2015). Early maladaptive schemas and aggression in men seeking residential substance-use treatment. *Personality and Individual Differences*, 83, 6—12. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2015.03.040>
24. Skeem, J.L., Manchak, S., Peterson, J.K. (2011). Correctional policy for offenders with mental illness: Creating a new paradigm for recidivism reduction. *Law and Human Behavior*, 35(2), 110—126. <https://doi.org/10.1007/s10979-010-9223-7>
25. Sousa, M., Gouveia, C., Cunha, O., de Castro Rodrigues, A. (2024). The effectiveness of schema therapy in individuals who committed crimes: A systematic review. *Trauma, Violence, & Abuse*, 25(5), 3631—3642. <https://doi.org/10.1177/15248380241254082>

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

26. Streb, J., Lutz, M., Dudeck, M., Klein, V., Maß, C., Fritz, M., Franke, I. (2022). Are women really different? Comparison of men and women in a sample of forensic psychiatric inpatients. *Frontiers in Psychiatry*, 13, Article 857468. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2022.857468>

Информация об авторах

Евгений Денисович Сургутский, младший научный сотрудник факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2381-8537>, e-mail: evgeniipsy@gmail.com

Гаянэ Аришалусовна Вартанян, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник факультета психологии, Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Ханько Александр Валерьевич, кандидат психологических наук, заведующий психологической службой, медицинский психолог, Психиатрическая больница № 1 им. П.П. Кащенко (СПб ГБУЗ «Больница им. П.П. Кащенко»), Санкт-Петербург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1465-24836>, e-mail: aleksandrkhanko@yandex.ru

Information about the authors

Evgenii D. Surgutskii, Junior Research Fellow of the Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-2381-8537>, e-mail: evgeniipsy@gmail.com

Gayane A. Vartanyan, Candidate of Science (Psychology), Senior Research Fellow of the Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6266-4713>, e-mail: g.vartanyan@spbu.ru

Alexander V. Khanko, Candidate of Science (Psychology), Head of the Psychological Service, Medical Psychologist, Psychiatric Hospital No 1 named after P.P. Kaschenko, Saint-Petersburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1465-24836>, e-mail: aleksandrkhanko@yandex.ru

Вклад авторов

Сургутский Е.Д. — идеи исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; применение статистических и математических методов для анализа данных; написание и оформление рукописи.

Вартанян Г.А. — контроль за проведением исследования; планирование исследования; сбор и анализ данных; редактура рукописи.

Ханько А.В. — ресурсы (предоставление доступа к необходимым для исследования пациентам).

Все авторы приняли участие в обсуждении результатов и согласовали окончательный текст рукописи.

Сургутский Е.Д., Вартанян Г.А., Ханько А.В. (2025) Ранние дезадаптивные схемы, режимы их функционирования и общественная опасность лиц, признанных невменяемыми: гендерные различия *Психология и право*, 15(4), 81—103.

Surgutskii E.D., Vartanyan G.A., Khanko A.V. (2025) Early maladaptive schemas, schema modes and violence risk in persons found not guilty by reason of insanity: gender differences *Psychology and Law*, 15(4), 81—103.

Contribution of the authors

Evgenii D. Surgutskii — ideas; planning of the research; data collection and analysis; application of statistical and mathematical methods for data analysis; writing and design of the manuscript.

Gayane A. Vartanyan — ideas; control over the research; planning of the research; data collection and analysis; editing of the manuscript.

Alexander V. Khanko — resources (access to patients needed for research).

All authors participated in the discussion of the results and approved the final text of the manuscript.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest

The authors declare no conflict of interest.

Декларация об этике

Исследование было рассмотрено и одобрено Этическим комитетом Санкт-Петербургского психологического общества (протоколы № 26 от 22.11.2023 г., № 34 от 12.12.2024 г.).

Ethics statement

The study was reviewed and approved by the Ethics Committee of the St. Petersburg Psychological Society (Protocols No. 26 dated 11/22/2023 and No. 34 dated 12/12/2024).

Поступила в редакцию 09.05.2025

Received 2025.05.09

Поступила после рецензирования 20.11.2025

Revised 2025.11.20

Принята к публикации 20.11.2025

Accepted 2025.11.20

Опубликована 30.12.2025

Published 2025.12.30